

СИНТАКСИС ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Учпедгиз. 1959

Проф. А. Г. РУДНЕВ

СИНТАКСИС ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва *1959

ВВЕДЕНИЕ

В области изучения грамматического строя современного русского литературного языка предстоит проделать огромную научно-исследовательскую работу по „переоценке ценностей“ культурного наследия прошлого и по пересмотру традиционных взглядов на отдельные проблемы грамматики с методологических позиций советского языкознания. К числу таких проблем относится, в частности, проблемы синтаксиса осложненного предложения: проблема обособленных членов предложения, проблема вводного члена предложения, проблема однородных членов предложения и проблема обращения. В имеющейся лингвистической литературе эти языковые явления либо вовсе не исследованы (например, вводный член предложения, сравнительный оборот, обращение), либо разработаны совершенно неудовлетворительно (обособленные и однородные члены предложения). Это обстоятельство затрудняет успешное усвоение соответствующего раздела современного русского литературного языка как в средней школе, так и в вузе, тем самым превращая проблемы синтаксиса осложненного предложения в актуальные проблемы, имеющие не только теоретическое, но и сугубо практическое педагогическое значение.

В отношении проблемы обособленных членов предложения в настоящем издании читатель найдет, во-первых, краткую историю разработки вопроса об обособленных членах предложения с критикой научного наследия по этому вопросу.

Во-вторых вместо отвергнутого автором определения и классификации обособленных членов предложения, предложенных проф. А. М. Пешковским, дается определение и система классификации обособлений с точки зрения единства грамматической формы и грамматического значения, т. е. на основе изучения смысловых функций и грамматического выражения обособленных членов предложения разного типа в современном русском литературном языке. В связи с этим по-новому освещается обособленное приложение, которое понимается автором не только как пояснение или уточнение одного существительного другим существительным, но и как любой член предложения, который представляет собой

либо пояснение, либо уточнение, либо усиление смыслового или эмоционального содержания другого члена предложения, т. е. приложение может быть определением к определению, сказуемому к сказуемому, обстоятельством к обстоятельству и т. д. независимо от их морфологического выражения.

Следует отметить, что сама мысль о расширенном понимании приложения (без детального исследования вопроса в целом) высказывалась и раньше¹.

Вместо термина „деепричастный оборот“, отражающего смешение морфологии и синтаксиса в формальной школе языкознания, в данной работе вводится новый термин — „обособленное предикативное обстоятельство“, как более точно отражающий специфику этой синтаксической конструкции и вместе с тем указывающий на возможность использования деепричастия с иными функциями в современном русском литературном языке в зависимости от синтаксического употребления.

Как известно, деепричастия в современном русском литературном языке используются не только в роли обособленного обстоятельства, но и в роли необособленного предикативного обстоятельства (примеры в соответствующей главе), в составе фразеологических оборотов, выступающих в роли обстоятельства (типа *сломя голову, повеся нос*), в роли вводного члена предложения (ср.: Я к тебе, *собственно говоря*, и шел немножко по этому делу. А. Фадеев, Молодая гвардия, гл. XX), не говоря уже о случаях перехода деепричастий в наречия в роли обстоятельства (типа *молча, стоя*) и предлоги (типа *благодаря*).

В отношении обособленных сравнительных оборотов на основе учета смысловых функций, грамматического выражения и анализа синтаксической природы в настоящей работе вскрывается специфика обособленных сравнительных оборотов, принципиальная раз-

¹ См. например, Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, СПб, 1827 (о значении союза „или“); высказывание К. Ф. Петрова, автора широко распространенного в свое время учебника „Синтаксис“ (изд. 32, Харьков, 1923), который по этому поводу пишет:

„Чаще всего приложение выражается именем существительным, но может быть выражено и другими частями речи“ (стр. 47). Среди примеров на приложение мы находим у него и такой: „В другом углу, *между дверью и окнами*, выстроились рядом сапоги“. Отсюда явствует, что, по мнению К. Ф. Петрова, приложение может быть при любом из членов предложения.

Из более поздних работ, отражающих аналогичное понимание приложений, можно указать небольшую статью И. М. Воскресенского „О приложении в русском языке“ („Русский язык в школе“, 1936, № 3, стр. 27—30), которая, однако, не является научным исследованием вопроса, а лишь критическими замечаниями по адресу „учения о приложении“ А. Б. Шапиро „в стабильном синтаксисе“. В основном автор этой статьи останавливается на синтаксической роли приложений.

Других вопросов проблемы И. М. Воскресенский касается мельком или совсем не затрагивает. Основной недочет статьи заключается в том, что автор не ограничивает обособленные приложения от необособленных и фразеологических выражений (типа „ищи-вищи“, „только знает — пощелкивает“). Нельзя признать удачным сближение функций приложений с функциями вводных слов.

ниша между сравнительным оборотом и неполным придаточным предложением, возможность и невозможность обособления сравнительных оборотов, а также отличие их (сравнительных оборотов) от близких к ним групп обособленных приложений, обособленных определений и обособленных обстоятельств.

На основании исследования синтаксиса одного из лучших художественных произведений А. М. Горького — повести „Мать“ — освещается степень распространенности и стилистическая роль обособленных членов предложения в указанном произведении.

Что касается проблемы вводного члена предложения, то в настоящем издании дается обзор литературы по этому вопросу, вскрывается порочность предшествующей разработки проблемы вводных слов и словосочетаний, согласно которой вводные слова и словосочетания не вступают в связь ни с одним из членов предложения в порядке согласования, управления и примыкания и потому являются словами вне предложения или при нем. На основе исследования смысловых функций, синтаксических связей и морфологического выражения так называемых вводных слов и словосочетаний вниманию читателя предложено новое освещение вводного члена предложения как синтаксической категории и группы модальных слов как морфологической категории. Одновременно устанавливается новый тип грамматической связи вводного члена предложения с другими членами предложения — соотносительная связь, которая наряду с другими типами грамматической связи: согласованием, управлением и примыканием — имеет свое специфическое грамматическое выражение и применение в грамматическом строе русского литературного языка.

При рассмотрении в данной работе проблемы однородных членов предложения дается исторический экскурс по разработке этого вопроса в русской лингвистической литературе. На основе анализа грамматического значения, синтаксической роли, грамматических связей, морфологического выражения в художественных произведениях русской классической и советской литературы выявляется специфика однородных членов предложения как особой синтаксической категории, вниманию читателя предлагается новая формулировка определения однородных членов предложения и вскрывается их стилистическая роль в современном русском литературном языке.

В главе, посвященной разработке проблемы обращения как синтаксической категории, дается история разработки этого вопроса, вскрывается ошибочность традиционного взгляда, рассматривающего обращение как слово или сочетание слов, грамматически не связанных с предложением и потому не являющихся его членами. На основе анализа смысловых и стилистических функций, морфологического выражения, синтаксических связей и принципов разграничения обращений от близких по значению и оформлению категорий (обособленного приложения, номинативного вокативного предложения и именительного представления) показано, что обра-

шение представляет собой особый член предложения, имеющий свое специфическое грамматическое значение, стилистические функции, синтаксические связи и свое оформление.

Таким образом, предметом рассмотрения в синтаксисе осложненного простого предложения являются следующие вопросы: обособленные члены предложения, вводный член предложения, однородные члены предложения и обращение. Наличие одной из этих синтаксических конструкций и делает предложение осложненным. На письме осложняющие члены предложения либо выделяются знаками препинания (обособленные члены предложения, вводный член предложения и обращение), либо разделяются знаками препинания (однородные члены предложения). Каждый из этих членов осложненного предложения имеет свою историю разработки, свое грамматическое значение и свое грамматическое оформление, что и покажем в дальнейшем изложении.

* * *

Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность товарищам по кафедре русского языка ЛГПИ имени А. И. Герцена, особенно действительному члену Литовской АН, проф. Б. А. Ларину и проф. Н. П. Гринковой, за внимание, критические замечания и содействие при разработке автором проблем синтаксиса осложненного предложения на протяжении двадцати пяти лет.

Всякого рода обоснованные замечания по настоящему изданию автор с благодарностью учтет в последующей работе над проблемами синтаксиса осложненного предложения, если таковые будут направлены по адресу: г. Ленинград, Д-80, Мойка, 48, Государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, профессору Алексею Георгиевичу Рудневу.

ГЛАВА I

ОБОСОБЛЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Разработка вопроса об обособленных членах предложения имеет свою историю, которая, кстати сказать, не получила освещения в существующих учебных пособиях по современному русскому языку. Начиная с Н. И. Греча, каждый из крупных лингвистов (Востоков, Буслаев, Потебня, Шахматов и другие) ставил вопрос об обособленных членах предложения и так или иначе разрешал его в зависимости от уровня лингвистической науки и исходных методологических позиций.

В истории учения об обособленных членах предложения до настоящего времени можно указать на смену трех лингвистических направлений (не считая советского языкознания) с различными методами исследования, обусловленными в конечном счете философскими взглядами соответствующих исследователей на природу языка, характер взаимных связей языка, мышления и бытия, на взаимоотношение формы и содержания в языке.

Сторонники формально-логического направления, отождествляя логику с грамматикой, в подходе к языку и мышлению исходили из общих законов формальной логики, основой которых является признание неизменяемости, отрицание внутренних противоречий в том или ином явлении. Отсюда на язык и мышление они смотрели как на нечто вечное и неизменное, раз и навсегда созданное высшей творческой силой, т. е. историческое развитие языка и мышления недооценивалось, отрицалась обусловленность их „историческими судьбами народа“. Такой взгляд сторонников формально-логического направления на язык и мышление идеалистичен и метафизичен.

Игнорируя специфику языка, сторонники формально-логического направления механически смешивали логические и грамматические категории и все разнообразие синтаксических конструкций сводили к схеме логического суждения в формально-логическом понимании, что приводило к отождествлению формы и содержания, отрыву содержания от формы и нарушению принципа рассмотре-

ния явлений с точки зрения единства формы и содержания в диалектическом понимании, не исключающем их различия.

Пользуясь формальным методом определения и узнавания членов предложения и других синтаксических конструкций на основе отвлеченных логических вопросов и возможности замены одной синтаксической категории другой, без учета их оформления и взаимоотношений с другими элементами данного предложения, представители формально-логического направления не признавали качественных различий близких по значению грамматических категорий, игнорировали смысловые оттенки разных синтаксических построений и особенности их оформления. Отсюда возникает антиисторическое учение о сокращенных придаточных предложениях.

Такое освещение вопроса мы впервые встречаем в „Практической русской грамматике“ Н. И. Греча: „Причастия действительные и страдательные, в отношении синтаксическом, суть сокращения или совокупления глаголов с местоимением относительным, которое сообщает оным силу выражать подчинение придаточного предложения: *солнце, освещающее землю, вм. солнце, которое освещает землю*...“

Деепричастия, в отношении синтаксическом, суть сокращения или совокупления глаголов с союзом подчиняющим, который сообщает оным силу выражать подчинение придаточного предложения, например: *мой брат обрадовался, увидев своего друга* вместо: *мой брат обрадовался, когда увидел своего друга*¹.

Кроме того, мысль об обособленных оборотах как сокращенных придаточных предложениях проводится Н. И. Гречем в §§ 410, 412, 414, 418, 419, 462, 469, 593 и др.

Аналогичный взгляд на обособленные обороты как сокращенные придаточные предложения проводят в своих работах А. Востоков², И. Давыдов³ и Ф. Буслаев⁴.

У Греча находим и первую попытку классификации обособленных членов предложения, или „сокращенных придаточных предложений“ (по терминологии Греча), хотя единый принцип классификации обособленных членов предложения не выдержан: одни из них получают названия по морфологическому выражению организующего члена „сокращенного придаточного предложения“, т. е. по частям речи; другие называются обстоятельственными, т. е. по названию соответствующих членов предложения.

Учение об обособленных оборотах как сокращенных придаточных предложениях, как сказано выше, исходило из основных

¹ Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, СПб, 1827, стр. 362.

² А. Востоков, Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПб, 1831, стр. 226—227.

³ И. Давыдов, Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Императорской Академии наук, изд. 3, СПб, 1854, стр. 356.

⁴ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка. Синтаксис, изд. 4, исправленное и дополненное, изд. братьев Салаевых, М., 1875, стр. 333—336.

философских позиций формально-логического направления, по которому смешивались языковые категории с категориями логическими, не учитывалась специфика языка. Отсюда в научной и школьной грамматиках проводилось уравнивание различных способов выражения одной и той же мысли, в том числе трактовка причастных и других оборотов как сокращенных придаточных предложений.

А. А. Потебня (1835—1891) в своей капитальной работе „Из записок по русской грамматике“¹ с неопровержимой логикой показал антиисторичность, а следовательно, и антинаучность теории сокращенных придаточных предложений. Подвергнув критике теорию сокращенных предложений, Потебня поставил вопрос о выделенных „тоном“ членах предложения как особой синтаксической конструкции — приложении (appositio) в качестве члена простого предложения, которое (приложение) „не происходит от зависимого предложения и не есть такое предложение, а имеет функцию среднюю между собственным определением (имеется в виду атрибут. Разрядка наша. — А. Р.) и определительным предложением с глагольным сказуемым“².

Так А. А. Потебня устанавливает новую синтаксическую категорию, отличную от второстепенных членов предложения и придаточных предложений, которая впоследствии получила в лингвистике наименование *обособленного члена предложения*.

А. А. Потебня видел отличие „приложения“ от „собственно-определения“ в большей самостоятельности „приложений“: „В определении, понимаемом в общирном смысле, различают два частных понятия, собственно определения (attributum) и приложения (appositio). Общий, по крайней мере очень распространенный, обычай отделять на письме приложение от определяемого посредством запятой (*Петр Великий, основатель Петербурга...*) заставляет считать общепризнанным, что приложение более самостоятельно (подчеркнуто мной. — А. Р.) по отношению к определяемому, чем собственно определительное“³.

Ценность выводов А. А. Потебни в отношении так называемых причастных оборотов тем более велика, что эти выводы построены на широком изучении материала древнерусского языка в плане исследования тенденций развития предложения.

Раскрывая историю развития причастий (деепричастий), которая целиком оправдывается материалом языков других систем, А. А. Потебня не только убедительно показал, что „ни причастия, ни неопределенные наклонения, ни существительные (попеп agentis) не возникли из придаточных предложений (коих и не было), но с самого начала суть члены простого предложения“⁴,

¹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, Харьков, 1888, т. III, Харьков, 1899, 663 стр.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 103.

⁴ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 359.

но и тем самым доказал несостоятельность теории сокращенных придаточных предложений, направляя исследовательскую мысль на путь к исторически правильному научному разрешению проблемы обособлений. В этом большая заслуга А. А. Потебни.

После развернутой критики Потебни никто в научной лингвистической литературе не пытался восстановить старое учение о „сокращении“ придаточных предложений, хотя отголоски этой теории можно встретить в лингвистических трудах и после появления работы Потебни. В. А. Богородицкий, например, различает придаточные полные и придаточные краткие, но происхождение „кратких“ В. А. Богородицкий под влиянием Потебни объясняет уже иначе. „... было бы ошибкой думать, — говорит он, — что краткий вид *произошел* от полного, оба вида имеют самостоятельное происхождение и только друг другу более или менее соответствуют“¹.

Хотя В. А. Богородицкий говорит не о „сокращении“, не о замене, а о соответствии полных и кратких предложений, все же нельзя признать правильным отнесение обособлений к придаточным предложениям, даже с оговоркой „краткие“, поскольку они по своей функции и структуре не могут быть ничем иным, как частью какого-либо предложения, его членом.

А. А. Потебня не раскрыл с достаточной полнотой специфики новой синтаксической категории, установленной им, ограничившись лишь беглыми замечаниями по этому вопросу.

За разрешение задачи по выявлению специфики обособленных членов предложения взялся А. М. Пешковский (1878—1933).

Теория обособленных оборотов была рассмотрена им в известной работе „Русский синтаксис в научном освещении“ в главе „Обособленные второстепенные члены“².

Нужно отдать справедливость тонкому лингвистическому чутью и наблюдательности А. М. Пешковского. Вместо учения о сокращенных придаточных предложениях А. М. Пешковский разрабатывает теорию обособленных второстепенных членов предложения. Он установил самый термин — „обособленные второстепенные члены предложения“, который прочно вошел в фонд лингвистической терминологии. Впервые в русской лингвистике ему удалось наиболее ярко охарактеризовать специфику произношения обособленных второстепенных членов предложения. Отметив мимоходом смысловые различия обособленных членов предложения и необособленных, А. М. Пешковский дает определение и классификацию обособленных членов предложения, но с точки зрения формально-грамматического направления.

¹ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5, Соцэкгиз, 1935, стр. 239.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, Учпедгиз, М., 1938, стр. 373—392. Рекомендуется шестое, а не седьмое издание ввиду того, что в седьмом издании опущена ценная вводная статья С. И. Бернштейна.

Отмечая заслуги Пешковского в разработке с позиции формально-грамматического направления проблемы обособлений, мы, естественно, не можем не подвергнуть критике его методологическую концепцию в этом вопросе, совершенно неприемлемую для советской лингвистики.

В чем порочность учения А. М. Пешковского?

Основным и решающим критерием обособления Пешковский склонен считать интонацию и ритм:

„Обособленным второстепенным членом называется член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и — параллельно — в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению“¹.

В действительности отношение между интонацией и ритмом, с одной стороны, и обособленным второстепенным членом предложения, с другой стороны, несколько иное: мы только в том случае интонируем и на письме выделяем знаками препинания, если это вызывается семантико-синтаксическими функциями², а не наоборот. Следовательно, интонация и ритм являются лишь одним из средств обособления при произношении, а не условием обособления. Вследствие этого указанные грамматические средства решающим критерием обособления служить не могут.

Определение обособлений, данное Пешковским, формально, поскольку в этом определении нет и намек на смысловую роль обособления, поскольку сама интонация наряду с флексиями, предложениями, союзами, порядком слов является одним из способов, выражающих грамматическую связь между членами или частями предложения, и, как показывают приведенные самим Пешковским примеры, не единственным и не необходимым для каждого отдельного случая обособления.

Некоторые из лингвистов полагают, что во второй части определения, где говорится о связях с окружающими членами предложения, А. М. Пешковский как раз и говорит о смысловой роли обособленных второстепенных членов предложения. Но такая интерпретация второй части определения обособленных членов предложения в корне противоречит основной установке А. М. Пешковского на обособленные члены предложения, которые определяются и классифицируются им исключительно с точки зрения формально-грамматических признаков — интонации и синтаксических связей (согласования, управления и примыкания): „Приходим, следовательно, к выводу, что интонационные модификации, откры-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, Учпедгиз, М., 1938, стр. 39б.

² Под термином „семантико-синтаксическая функция“ понимается синтаксическая роль и грамматическое значение того или другого члена предложения, например: роль обособленного предикативного обстоятельства со значением времени, условия, образа действия и т. д.

тые нами в первом из этих примеров, не внешни, не случайны, а создают действительно особую форму словосочетания. При этом: 1) форма эта может наслаиваться на разные виды членов в распространенном предложении, как видно из сочетаний —

Я удивляюсь, что вы, такой добрый, не чувствуете этого,

Я удивляюсь, что вы, будучи так добры, не чувствуете этого,

Так что в одних случаях особо интонируется управляемый член (наш основной пример), в других — согласуемый член (первый из только что данных примеров), в третьих — примыкающий член (второй из них); 2) форма эта имеет во всех этих случаях одно и то же значение определенной аналогии данных словосочетаний с отдельными придаточными предложениями, как это видно из следующих словосочетаний —

Я удивляюсь, что вы, который так добр, не чувствуете этого,

Я удивляюсь, что вы, хотя вы так добры, не чувствуете этого,

причем аналогия наблюдается и в интонации и в характере связей с окружающими словесными массами, так что первый признак является внешним выражением второго...¹

А. М. Пешковский еще определеннее раскрывает свой формальный подход к обособленным членам предложения, анализируя „двучленность“ произношения нераспространенных предложений (типа *жребий брошен, перчатка поднята* и т. п.):

„Но в ней (двучленности. — А. Р.) нет аналогии той или иной обособившейся в произношении части с отдельными придаточными предложениями, нет того параллелизма интонации и характера синтаксических связей, которые составляют сущность обособления“².

Отсюда совершенно очевидно, что А. М. Пешковский видит „сущность обособления“ в параллелизме интонации и характере синтаксических связей, а также и то, что во второй части опре-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, Учпедгиз, М., 1938, стр. 376.

² Там же, стр. 378. (За исключением последних двух слов подчеркнутые места выделены А. М. Пешковским. — А. Р.)

деления обособленных членов предложения („в отношении связей своих“) А. М. Пешковский имеет в виду не смысловые связи, а именно синтаксические связи, т. е. формально-грамматический признак.

Это значит, что А. М. Пешковский отождествляет сущность обособленных членов предложения с грамматическим оформлением, по существу игнорирует внутренние связи анализируемых грамматических явлений в предложении, тем самым фактически отрывает форму от содержания¹.

Под сущностью марксистско-ленинская философия, как известно, понимает то, что выражает внутренние связи в природе и общественной жизни и что обнаруживается в явлениях действительности. Познавая разнообразные проявления сущности, мы тем самым познаем сущность вещи.

Сущность и явление составляют диалектическое единство, но не тождество.

В соответствии с этим под сущностью синтаксической категории мы понимаем то общее, что заключено как в словах, так и в предложениях, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях.

Отсюда ясно: рассуждения А. М. Пешковского о сущности обособления методологически порочны, ничего общего не имеют с марксистско-ленинской методологией. Естественно, порочна и методика изучения обособленных членов предложения, которая, следуя А. М. Пешковскому, рекомендуется в методической литературе.

Кроме того, проводя мысль об „уподоблении“ обособленного члена предложения „отдельному придаточному предложению“ в отношении связей с другими членами, А. М. Пешковский нарушает историческую перспективу закономерности появления обособлений: обособленные члены предложения более древнего происхождения и менее сложные синтаксические конструкции, чем придаточные предложения². Следовательно, говорить об уподоблении обособленных второстепенных членов предложения придаточному предложению невозможно, не искажая действительной истории возникновения и развития обособленных членов предложения.

¹ Как отмечает акад. В. В. Виноградов, это вообще характерно для лингвистической концепции А. М. Пешковского: „А. М. Пешковскому было важно не внутреннее диалектическое единство формы и содержания, а внешнее проявление грамматического значения, нередко механически отождествляемое им с формой („Вопросы синтаксиса современного русского языка“, Учпедгиз, 1950, стр. 40).

² Ср. у Потебни: Делают „иногда лишь ту ошибку, что считают приложение возникшим из придаточного предложения, начинающегося с относительного местоимения. Что такой ход языка в общем невозможен, видно из того, что придаточное с *который* и пр. более развито, расчленено, определено, чем приложение“ (Из записок по русской грамматике“, т. I—II, изд. 2, Харьков, 1888, стр. 104).

Мы уже не говорим о том, что проводимая А. М. Пешковским аналогия обособленных членов предложения с отдельными придаточными предложениями „в отношении мелодии и ритма и параллельно в отношении связей своих с окружающими членами“ сама по себе плохой метод доказательства специфики обособленных членов предложения как особой синтаксической категории. Плохой метод доказательства потому, что, отмечая уподобление во внешних двух-трех грамматических признаках, не вскрывает качественного различия сопоставляемых синтаксических категорий ни по форме, ни по содержанию¹.

Тот же формальный подход А. М. Пешковского сказывается и в классификации обособлений. В синтаксисе А. М. Пешковского обособленные члены предложения распределены и охарактеризованы в связи с морфологическим выражением господствующего члена обособленного оборота на основе интонации, порядка слов, объема тех или других обособленных групп, т. е. в основу классификации положен формально-грамматический принцип, при этом не был выдержан единый *principium divisionis*.

В своей работе А. М. Пешковский дает перечень разрядов обособлений, предоставляя читателю самому вдумываться во внутренние различия:

1. Обособленное управляемое существительное, основным условием обособления которого „является здесь слабость синтаксической связи с окружающими членами“.

2. Обособленное прилагательное „в собственном смысле“ и причастие.

3. „Выделенное из однопадежной сочиненной группы существительное“. Так А. М. Пешковский именует обособленное приложение.

4. Обособленные примыкающие члены, которые в свою очередь подразделяются Пешковским на:

- 1) обособленное наречие,
- 2) обособленную присубстантивную сравнительную форму,
- 3) обособленное деепричастие.

Таким образом, обособленные члены предложения получают у А. М. Пешковского наименование в основном по морфологическому признаку организующего центра обособленного оборота речи, морфологическое выражение господствующего слова оборота является единственным основанием у него при классификации обособленных членов предложения. В результате единая синтаксическая категория (ср. обособленное определение, обособленное приложение и др.) представляется проф. А. М. Пешковскому и его последователям одним рядом разорванных синтаксических явлений вне необходимых смысловых связей и закономерностей.

¹ Ср. замечание В. И. Ленина: „Сравнение не есть доказательство“ („Философские тетради“, 1947, стр. 155).

Смысловые функции обособленных членов предложения, как видно из приведенного материала по определению и классификации последних, остались у А. М. Пешковского совершенно не раскрытыми. Игнорировались им и синтаксические функции обособленных членов предложения в составе предложения.

Классификация обособленных членов предложения по морфологическому признаку не может не вызвать возражений, поскольку обособленные члены предложения — синтаксическая категория. В связи с этим в основу различения обособленных членов предложения должен быть положен синтаксический признак, а не то или иное морфологическое выражение господствующего слова оборота. Ведь мы обособляем не потому, что это — причастие, прилагательное или существительное, а потому, что причастие, прилагательное и существительное в данном случае в предложении выполняют особую смысловую и синтаксическую функцию. Совершенно бесспорно, различные части речи — это разные языковые явления, которые используются как средство для выражения неодинаковых значений, но наряду с этим они могут выполнять в современном русском языке одну и ту же синтаксическую функцию, одна и та же часть речи может быть в роли разных членов предложения, в том числе обособленных.

Покажем на примерах: *Широкое, овальное лицо, изрезанное морщинами и одутловатое, освещалось темными глазами, тревожно-грустными, как у большинства женщин в слободке („Мать“, I, III).* За ними (лошадьми. — А. Р.) *тянулись, вздрагивая, длинное мокрое бревно и гряда досок, громко хлопая концами, а сбоку, опустив вожжи, шагал Николай, оборванный, грязный, в тяжелых сапогах, в шапке на затылок, неуклюжий, точно пень, вывороченный из земли („Мать“, I, XXI).*

Из этих примеров ясно видно, что обособленные определения могут быть выражены в одном и том же предложении и прилагательным, и причастием, и существительным.

С другой стороны, существительное может выступать в предложении не только в роли определения (см. примеры выше), но и в роли:

а) Приложения к подлежащему: *Из сеней вышли двое понятых — старый литейщик Тверяков и его постоялец кочегар Рыбин, солидный, черный мужик („Мать“, I, X).*

б) Приложения к дополнению: *Давно ли она познакомилась с ним, с этим человеком, который и в церковь редко ходит („Дворянское гнездо“, XXX).* И Павел, как всегда, *медленно и тщательно размешивал ложкой сахар в стакане, аккуратно посыпал соль на кусок хлеба, — горбушку, любимую им („Мать“, I, VI).*

в) Приложения к обстоятельству, выраженному наречием: *Справа от нее, на болоте, темной стеной стоит лес, там уныло шумят тонкие, голые березы и осины („Мать“, I, VI).*

Этими примерами, конечно, не исчерпывается возможность употребления существительных в качестве обособленных второстепенных членов предложения, но их, полагаем, достаточно для подтверждения нашей мысли о возможности использования тех или других частей речи для выражения ряда различных по значению обособленных второстепенных членов предложения. Отсюда в соответствии с классификацией А. М. Пешковского единый обособленный член предложения оказывается раздробленным по разным группам обособлений. Особенно ярко это обнаруживается в отношении обособленного определения.

Таким образом, один и тот же обособленный член предложения выражается разными морфологическими категориями, и, наоборот, одна и та же морфологическая категория может служить для выражения разных обособленных членов предложения, т. е. синтаксические категории обозначают понятия, не вполне совпадающие с понятием морфологических категорий.

Части речи как грамматические категории выражаются отдельными словами, и предложение состоит из отдельных слов — членов предложения.

И все же части речи не отождествляются нами с членами предложения, а вступают с ними в тесную взаимодействующую связь.

Под частью речи как грамматической категорией мы понимаем разряд, или группу, слов, объединенных общностью грамматического значения, морфологического оформления и синтаксического употребления в составе предложения.

Причем морфологическое оформление части речи исторически обусловлено синтаксической ролью, выполняемой в зависимости и от лексического значения соответствующей группы слов в предложении.

Следовательно, часть речи — это разряд слов, за которыми закрепляется в предложении морфологическая форма и те или другие синтаксические функции в зависимости и от их лексического значения.

В связи с этим слово как часть речи фигурирует не только в предложении, но и в словарях.

В качестве члена предложения слово вступает в сочетании с другими знаменательными словами в определенные синтаксические отношения предикативного, атрибутивного, объектного, обстоятельственного характера, которые возникают только в предложении и выражаются при помощи разных видов управления, согласования, а в иных случаях — порядком слов, что характерно для „примыкания“ и „соотношения“.

В зависимости от функций, которые знаменательные слова несут в строе предложения, вступая в связь с другими знаменательными словами, в синтаксисе принято различать главные и второстепенные члены предложения, а также однородные, обособленные и другие члены предложения. Эти члены предложения,